

Эпоха великих людей

Максим Гуреев

Вселенная
Тарковские:

Арсений и Андрей

Издательство АСТ
Москва 2017

УДК 821.161.1.09+791.43.071 /Тарковские/
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8+85.374(2)6-8 /Тарковские/
Г95

Охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах».
Воспроизведение книги любым способом, в целом или частично,
без разрешения правообладателей будет преследоваться в судебном порядке»

Гуреев М.А.

Г95 Вселенная Тарковские: Арсений и Андрей. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 352 с. – (Эпоха великих людей).

ISBN 978-5-17-097670-6

Арсений и Андрей.

Отец и сын.

Поэт и кинорежиссер.

Они знали друг о друге что-то такое, о чем мы можем только догадываться.

Конечно, мы будем теряться в догадках, искать параллели и соответствия в том, что было изложено на бумаге и запечатлено на целлулоиде, с тем, как проживаем жизнь мы сами.

Предположение исключает уверенность, но рождает движение мысли.

И было бы большим заблуждением думать, что это движение хаотично.

Конечно, нет, не хаотично!

Особенно когда знаешь конечную точку своего маршрута.

УДК 821.161.1.09+791.43.071 /Тарковские/
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8+85.374(2)6-8 /Тарковские/

Художественное издание

Максим Александрович Гуреев
ВСЕЛЕННАЯ ТАРКОВСКИЕ:
АРСЕНИЙ И АНДРЕЙ
Эпоха великих людей

Идея проекта Юрий И. Крылов

Заведующая редакцией Юлия Данник

Руководитель направления Татьяна Чурсина

Редактор Елизавета Александрова-Зорина

Художественное оформление Григорий Калугин

Компьютерная вёрстка Людмила Быкова

Корректор Инесса Федорова

Технический редактор Татьяна Тимошина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги и брошюры.

Подписано в печать 23.03.2017. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 22.
Тираж 2000 экз. Заказ № .

ООО «Издательство АСТ». 129085, РФ, г. Москва,
Звёздный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru

ISBN 978-5-17-097670-6

© М.А. Гуреев, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Жертвоприношение	23
Глава 2. Вчерашние голоса	41
Глава 3. Отдельный человек	59
Глава 4. На Щипке	79
Глава 5. Андрей	97
Глава 6. Фантомные боли	113
Глава 7. Странный угол чувств	131
Глава 8. Подросток	147
Глава 9. Бедный Иов	165
Глава 10. Перемена участи	183
Глава 11. Звездный каталог	199
Глава 12. Повторение пути	217
Глава 13. Многоуважаемый шкаф	233
Глава 14. Параллельное движение	251
Глава 15. Иди и смотри	267
Глава 16. Найти Андрея	285
Глава 17. Антропология	303
Глава 18. Кукольный дом	319
Эпилог	337

Пролог

Крис медленно подходит к замерзшему пруду.

Останавливается у самой кромки льда, какое-то время стоит неподвижно, а затем поворачивается.

Он видит себя идущим по берегу мимо вмерзших в лед деревьев.

Смотрит на кривые сучья, которые еще совсем недавно торчали из воды, а теперь скованны прозрачным, как слюда, льдом.

Крис поднимается на взгорок и оказывается рядом с деревянным домом.

Всякий раз, приезжая сюда, Крис Кельвин испытывает странные, противоречивые чувства. Ему кажется, что он никогда не бывал здесь раньше, хотя и провел тут свое детство. И напротив, он знает здесь каждое дерево, каждый поворот дороги, но почему-то не узнает их, силится вспомнить — и не может.

Вот сейчас к нему навстречу бежит собака.

Видно, что она рада появлению Криса.

Она виляет хвостом и смешно крутит головой.

Рядом с домом догорает костер из старых газет и палой листвы.

Дым едва стелется по земле.

Крис замедляет шаг.

Он направляется к окну, и его взгляд становится все более сосредоточенным, напряженным.

Наконец он останавливается, упираясь ребром ладони в стекло, будто хочет прикрыть глаза от палящего солнца.

Но никакого солнца нет, на улице пасмурно, а в доме темно.

Крис пытается рассмотреть, что там — в глубине комнаты.

Точнее, он, конечно, знает, кто там — в глубине комнаты.

И теперь, когда он видит этого пожилого, седовласого человека, раскладывающего на столе книги, то с трудом может сдержать слезы.

С потолка на плечи старика льется кипяток — забрызгивает стол, стекло, подоконник, но старик, кажется, не замечает этого, будучи совершенно занятым книгами.

Так проходит какое-то время, пока он наконец не оборачивается к окну.

И тут же выражение его лица меняется, губы его начинают дрожать, а глаза улыбаться. За стеклом он видит Криса, своего сына.

Потоки воды усиливаются, но отец и сын не могут оторвать взгляд друг от друга.

Неожиданно, видимо, из-за порыва ветра, костер вспыхивает и начинает разгораться.

Всполох освещает лицо старика.

Крис порывисто отходит от окна и бросается к крыльцу, на котором уже стоит его отец.

Здесь же сидит и собака, которая все это время задумчиво наблюдала за происходящим.

Крис делает несколько шагов по ступенькам навстре-

чу отцу, но потом опускается перед ним на колени и обнимает его за ноги.

Отец кладет руки на плечи сына, и так они замирают.

Клубы дыма все более и более заволакивают замерзший пруд, площадку перед домом, да и сам дом.

Все погружается как бы в туман, но в какой-то момент становится понятно, что это уже не дым и не туман, а густые белые облака, точнее, разрозненные клочья облаков, которые несутся над землей.

Звучит хоральная прелюдия фа минор «Взываю к Тебе, Господи» И-С Баха. И голос Криса. Он полупшепотом повторяет слова святого Евангелиста Луки: «Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим».

После съемок последнего эпизода фильма «Солярис», которые проходили недалеко от Звенигорода, деревянный дом разобрали и увезли в Москву. Было так странно видеть, как этот «домик в три оконца» закидывают в кузов ЗИЛа, на дверцах которого белой краской нарисованы рабочий и колхозница и написано «Мосфильм».

Откуда мог взяться этот дом, в котором жил отец Криса?

Может быть, из какой-то прежней жизни, из воспоминаний о Завражье, Тучкове, Щипке или Юрьевце, что на Волге.

Через несколько лет Арсений Тарковский напишет:

*Был домик в три оконца
В такой окрашен цвет,
Что даже в спектре солнца
Такого цвета нет.
Он был еще спектральной,
Зеленый до того,
Что я в окошко спальни*

*Молился на него.
Я верил, что из рая,
Как самый лучший сон,
Оттенка не меняя,
Переместился он.
Поньне домик чудный,
Чудесный и чудной,
Зеленый, изумрудный,
Стоит передо мной.
И ставни затворяли,
Но иногда и днем
На чем-то в нем играли,
И что-то пели в нем,
А ночью на крыльчке
Прощались и впотьмах
Затепливали свечки
В бумажных фонарях.*

Когда Андрей с матерью и сестрой жил в доме на Щипке, отец изредка приходил к ним, и они играли в шахматы. Сохранились фотографии 1948 года, сделанные поэтом Львом Горнунгом. На одной отец и сын смотрят в объектив фотокамеры, а на другой они уже склонились над шахматной доской, разложенной на кровати. Кровать с никелированными металлическими спинками застлана шерстяным армейским одеялом. Точно такая же кровать будет стоять в другом доме, выстроенном для съемок «Зеркала» в Тучково.

А над кроватью в воздухе будет висеть мать.

В этом фильме 1974 года прозвучит голос отца, о котором сын уже точно знал: «Сейчас мой отец, Арсений Александрович Тарковский, по праву считается лучшим из живущих русских поэтов. И я думаю, что его гены в формировании моих запросов сыграли немалую роль».

А еще прозвучат «Страсти по Матфею» Баха, и, на словах Святого Евангелиста «и вот, завеса в храме раздралась

надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни рассе-
лись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых
воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли
во святой град и явились многим» 36-летний гвардии ка-
питан, кавалер ордена Красной Звезды обнимет своих де-
тей — сына и дочь, и придут в движение кусты и трава, вет-
ви деревьев и занавески на окнах, двери и страницы книги.

Лампа-вспышка МЭЛЗ выхватила вздувшиеся (види-
мо, повело стену) обои в полоску и отбросила на них от го-
ловы Андрея контрастную тень.

Как закончилась та партия в шахматы между отцом и
сыном, мы не знаем, и о том, что происходило после того,
как сработал затвор фотоаппарата, мы можем только дога-
дываться.

Вполне возможно, что отец и мать пошли курить на
кухню. Открыли форточку...

Через девять лет Арсений Александрович напишет
стихотворение «Фотография»:

*В сердце дунет ветер гонкий,
И летишь, летишь стремглав,
А любовь на фотопленке
Душу держит за рукав,
У забвения, как птица,
По зерну крадет — и что ж?
Не пускает распылиться,
Хоть и умер, а живешь —
Не вовсю, а в сотой доле,
Под сурдинку и во сне,
Словно бродишь где-то в поле
В запредельной стороне.
Все, что мило, зримо, живо,
Повторяет свой полет,
Если ангел объектива
Под крыло твой мир берет.*

В объектив Андрея попала только мать, а отец нет, лишь сохранился его голос на звуковой дорожке. Значит, получается, что отец невидим, и существуют лишь его предполагаемые изображения, то есть изображения того, каким бы его хотел видеть сын — молодым, в военной форме, мужественным или, напротив, убеленным сединами, с доброй и тихой улыбкой на лице, по которому стекают потоки воды, что хлещет с потолка и заливает комнату.

Конечно, это старый дом.

Уже будучи студентом ВГИКа, Андрей знал, что правда изображения кроется в фактуре, во вздувшихся обоях, трещинах на стене, пересохшей на лице коже, в старых иконных досках, нестираном и неглаженом белье, в мутных потоках воды, в водорослях и испарине, в осыпающейся штукатурке, в пожелтевших страницах книги и зеркалах в черных пятнах.

И тогда дом оживает.

Дом, как место, где бывает отец.

Он бывает здесь нечасто, он как Кламм, герой романа Кафки «Замок», которого можно увидеть только в замочную скважину: «За письменным столом посреди комнаты в удобном кресле с круглой спинкой сидел, ярко освещенный висящей над головой лампой, господин Кламм».

В 1968 году в августовском номере журнала «Звезда» было опубликовано «Письмо к отцу» Франца Кафки в переводе Евгении Кацевой. Как фанатичный книжник, библиофил и охотник за новыми публикациями, Арсений Александрович, вне всякого сомнения, прочитал его. Следует заметить, что мода, хотя это слово здесь не вполне уместно, на Кафку в то время была велика. Особенно после выхода в 1965 году в издательстве «Прогресс» сборника «Франц Кафка, роман, новеллы, притчи».

«Письмо к отцу», написанное Францем в 1919 году, так и не дошло до своего адресата. Мать писателя, которую

Кафка попросил передать письмо родителю, так и не решилась это сделать и вернула текст сыну «с несколькими успокаивающими словами».

Письмо начиналось так:

«Дорогой отец.

Ты недавно спросил меня, почему я говорю, что боюсь Тебя. Как обычно я ничего не смог Тебе ответить, отчасти именно из страха перед Тобой, отчасти потому, что для объяснения этого страха требуется слишком много подробностей, которые трудно было бы привести в разговоре. И если я сейчас пытаюсь ответить Тебе письменно, то ответ все равно будет очень неполным, потому что и теперь, когда я пишу, мне мешает страх перед Тобой и его последствия и потому что количество материала намного превосходит возможности моей памяти и моего рассудка».

Конечно, речь не шла о страхе перед Александром Карловичем Тарковским, человеком решительным и непреклонным, народником, три года проведенным в тюрьмах Воронежа, Елисаветграда, Одессы и Москвы и пять лет на поселении в Восточной Сибири, журналистом, общественным деятелем, который был лично знаком с Владимиром Лениным и Игорем Северяниным, Юзефом Пилсудским и Константином Бальмонтом, Иваном Карпенко-Карым и Федором Сологубом. Скорее это было уважение и ощущение дистанции.

Ключевым тут для поэта Тарковского, думается, стали рассуждения о неспособности памяти и рассудка сохранить все подробности. И только слово, вернее сказать, поэтическое слово способно передать фактуру, ту самую, о которой, уже сняв «Иваново детство» и «Андрея Рублева», так много думал его сын Андрей.

Из интервью Андрея Арсеньевича Тарковского: «Если угодно, одна из важнейших условностей кино в том и состоит, что кинообраз может воплощаться только в фактических, натуральных формах видимой и слышимой жизни.